

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.076-089

И. В. Килина

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация

Правовое значение общественной опасности личности в уголовном праве и процессе

Резюме. Общественная опасность личности имеет самостоятельное правовое значение. Изучение исторических и современных нормативных актов, доктринальных источников и правоприменительной практики позволяет прийти к выводу о необходимости более точного определения правовой природы, критериев общественной опасности личности, ее соотношения с общественной опасностью деяния. Общественная опасность личности, несмотря на генетическую институциональную привязку к теории опасного состояния личности, разрабатываемой антропологической и социологической криминологическими школами, выступает важным правовым средством индивидуализации уголовной ответственности. Приводятся аргументы в обоснование следующих тезисов: 1) общественная опасность личности в отрыве от совершенного ею деяния не может использоваться в качестве критерия криминализации и основания уголовной ответственности; 2) правовое значение общественной опасности личности заключается в ее влиянии на индивидуализацию уголовной ответственности; 3) к критериям общественной опасности личности, имеющим самостоятельное правовое значение, относятся характеристика совершенного преступления, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, поведение лица после совершения преступления; 4) представляется вполне оправданным законодательное отражение утраты общественной опасности личности в качестве основания освобождения от уголовной ответственности по субъективным дискреционным основаниям.

Ключевые слова: общественная опасность деяния; общественная опасность личности; криминализация деяний; административная преюдиция; освобождение от уголовной ответственности; прекращение уголовного дела; прекращение уголовного преследования; индивидуализация ответственности; позитивное постпреступное поведение; критерии общественной опасности личности

Для цитирования: Килина И. В. Правовое значение общественной опасности личности в уголовном праве и процессе. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 7. С. 76–89. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.076-089

The Legal Significance of Public Danger Posed by an Individual in Criminal Law and Procedure

Irina V. Kilina

Perm State National Research University
Perm, Russian Federation

Abstract. The public danger posed by an individual has an independent legal significance. The study of historical and current regulatory acts, doctrinal sources and law enforcement practice allows us to conclude that there is a need for a more precise definition of the legal and criteria of the public danger posed by an individual, as well as its relationship to the public danger of an act. Despite its genetic and institutional connection to the theory of the dangerous state of a person, which was developed within the anthropological and sociological schools of criminology, the public danger posed by an individual serves as an important legal means of individualizing criminal liability. The paper presents arguments in support of the following theses: 1) the public danger posed by an individual, in isolation from the act committed by him, cannot be used as a criterion for criminalization and grounds for criminal liability; 2) the legal significance of the public danger posed by an individual lies in its influence on the individualization of criminal liability; 3) criteria of public danger posed by an individual that have

© Килина И. В., 2026

independent legal significance include: characteristics of the crime committed; circumstances, characterizing the personality of the accused; the behavior of the person after the commission of the crime; 4) there are sufficient reasons for legislatively recognizing the loss of public danger posed by an individual as a ground for exemption from criminal liability, in relation to subjective discretionary grounds.

Keywords: public danger of an act; public danger of an individual; criminalization of acts; administrative prejudice; exemption from criminal liability; dismissal of a criminal case; cessation of criminal prosecution; individualization of responsibility; positive post-criminal behavior; criteria of public danger posed by an individual

Cite as: Kilina IV. The Legal Significance of Public Danger Posed by an Individual in Criminal Law and Procedure. *Lex russica*. 2026;79(7):76-89. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.076-089

Введение

Определение в ст. 14 УК РФ преступления как общественно опасного деяния предопределяет публичность уголовного судопроизводства, т.е. такое его построение, которое предполагает наделение дознавателя, следователя, прокурора, суда полномочиями *ex officio* по возбуждению, расследованию, разрешению уголовных дел публичного обвинения и исполнению судебных решений в целях обеспечения назначения уголовного процесса независимо от мнения лица, пострадавшего от преступления.

Категория общественной опасности деяния, будучи многоаспектной и оценочной, является одной из наиболее дискутируемых в уголовном праве. Ни индивидуальные доктринальные разработки правоведов, ни публичные научные конференции, специально посвященные определению содержания общественной опасности деяния, не позволяют тем не менее прийти к выводу о завершенности дискуссии по данному вопросу.

Представляется, что в качестве относительно устоявшихся суждений можно выделить следующие. Общественная опасность деяния рассматривается как критерий криминализации противоправных деяний (включения их в текст Особенной части УК РФ); обладает характером (качественная характеристика) и степенью (количественная характеристика); является обязательным признаком преступления и, как следствие, влияет на решение вопроса о наличии или об отсутствии основания уголовной ответственности.

Именно общественная опасность выделяет преступления и потенциально уголовные проступки среди иных правонарушений, подчеркивает их качественное своеобразие и придает самостоятельность уголовному праву как отрас-

ли права¹. При этом общественная опасность деяний, перечисленных в уголовном законе, презюмируется (критерии и суждения, которыми руководствуется условный законодатель при формировании перечня преступлений, остаются за скобками).

В процессуальном преломлении на стадии возбуждения уголовного дела общественная опасность деяния, наряду с иными признаками преступления, подлежит проверке для решения вопроса о наличии основания для возбуждения уголовного дела. При этом умозрительность общественной опасности предопределяет тот факт, что лицо, проводящее проверку сообщения о преступлении, констатирует признак общественной опасности на основе того, что такое деяние запрещено уголовным законом под угрозой наказания (противоправно). Дальнейшее доказывание правоприменителем общественной опасности конкретного совершенного преступления не требуется, а в предмет доказывания включены уже обстоятельства, характеризующие признаки состава преступления. Исключением выступают лишь случаи, когда правоприменитель усматривает основания для опровержения презумпции общественной опасности деяния, мотивируя констатацию малозначительности деяния и прекращение в связи с этим уголовного дела (уголовного преследования).

Вместе с тем уголовному праву известна и такая категория, как «общественная опасность личности». Недостаточная нормативная и доктринальная разработанность института актуализирует целый ряд практически и теоретически значимых вопросов. Необходимо определиться с правовой природой, критериями, юридическим значением общественной опасности личности, ее соотношением с общественной опасностью деяния. Настоящее исследование

¹ Лопашенко Н. А., Голикова А. В., Кобзева Е. В., Ковлагина Д. А., Лапунин М. М., Хутов К. М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. № 4. С. 134.

посвящено обозначенным аспектам. Мы ставим задачу рассмотреть как материальную составляющую общественной опасности личности, так и процессуальные аспекты, связанные с обоснованием решений, в основе которых лежит оценка общественной опасности лица, совершившего преступление.

Исторический аспект

Характерное для любых территорий движение от частно-искового процесса к публичному (где под публичным интересом в большей или меньшей степени в зависимости от исторического периода понимался интерес государственной власти, а также общества), а равно движение от понимания преступления как обиды к современному определению его сущности в качестве общественно опасного деяния привели к укоренению категории общественной опасности деяния.

Вместе с тем в конце XIX в. феномен общественной опасности личности приобретает научное обоснование в контексте разработки института опасного состояния личности. Указанной теории уделялось большое внимание представителями социологической и антропологической криминологических школ, известными родоначальниками которых стали Ч. Ломброзо и Э. Ферри. Авторство теории опасного состояния личности приписывается итальянскому барону Р. Гарофало². Указанное учение развивалось Международным союзом криминалистов, первое заседание которого состоялось в 1889 г. В частности, А. Принс полагал, что «преобразования в уголовном праве заставляют нас признать опасным состояние даже там, где нет еще преступника, и право вмешательства государства даже туда, где нет ни преступления, ни проступка»³.

Вместе с тем идеи уголовного воздействия на отдельных представителей общества так и не нашли воплощения в законе буржуазных западных стран.

С развитием общественных отношений и права выявилась необходимость поиска в современном уголовном судопроизводстве ответа на три вопроса: имело ли место преступ-

ление, совершено ли оно обвиняемым и виновен ли он в его совершении? Постановка этих вопросов дала стимул к развитию доказательственного права — поиску правовых рамок в установлении обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела и мотивирования юрисдикционных решений.

В России императорского периода основанием для уголовной ответственности признавались преступления или проступки (а не опасное состояние личности). Так, в Уставе о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. были отражены понятия преступления и проступка и, соответственно, перечень наказаний уголовных или исправительных, назначаемых за их совершение. Общественная опасность деяния и отдельные характеристики личности, в свою очередь, упоминались в качестве обстоятельств, влияющих на степень вины и индивидуализацию ответственности (ст. 135 Устава). В процессуальном преломлении следует отметить, что Устав уголовного судопроизводства 1864 г. окончательно оформил публичное построение уголовного процесса, предусматривающее необходимость доказывания виновности или невиновности лица в строго предусмотренной законом процедуре. Глава 4 Устава уголовного судопроизводства именовалась «Об исследовании события преступления». Вместе с тем общественная опасность личности никогда не выходила из фокуса внимания, с той лишь оговоркой, что она рассматривалась в неразрывной связи с совершенным деянием и необходимостью определения справедливой меры ответственности.

Так, в ходе производства по конкретному делу у судебного следователя был в распоряжении любопытный институт, позволяющий подробнее ознакомиться с личностью преследуемого лица, — дознание через оковых людей (ст. 454 Устава). В рамках данной процедуры судебный следователь собирал сведения о занятиях, связях и образе жизни обвиняемого. В этом случае составлялся протокол, где излагались показания лиц, среди которых живет подсудимый, о его образе жизни, занятиях, нравах и т.д.⁴

Революционный слом государственного и правового строя в 1917 г. привел, помимо прочего, и к тому обстоятельству, что в уголовном

² Сафронова Е. В., Лоба В. Е. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 3. С. 12.

³ Бриллиантов А. В., Щербаков А. Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2010. № 10. С. 91.

⁴ Викторский С. И. Русский уголовный процесс. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1912.

праве нашла применение вышеупомянутая теория опасного состояния личности. Как отмечают Е. В. Сафронова, В. Е. Лоба, «в этот период для советской доктрины уголовного права, решительно отвергавшей представление о наказании как о возмездии и рассматривавшей преступника как продукт социальной среды, теория “опасного состояния личности” пришлась как нельзя кстати»⁵.

Применение «мер социальной защиты» к общественно опасным элементам прямо декларировалось в УК РСФСР 1922 г., Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. и далее в УК РСФСР 1926 г.

С принятием Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. теория мер социальной защиты и теория опасного состояния личности были отвергнуты законодателем. Вместе с тем категория общественной опасности личности в совершенно ином сущностном многоаспектном звучании была отражена в новом Кодексе. Период до принятия следующего Кодекса характеризовался беспрецедентной вариативностью способов разрешения уголовно-правовых конфликтов. В силу ст. 50 УК РСФСР 1960 г. утрата лицом общественной опасности могла влечь освобождение от уголовной ответственности. Кроме того, по приговору суда подсудимый мог быть освобожден от наказания, если в силу последующего безупречного поведения и честного отношения к труду он ко времени рассмотрения дела в суде не мог быть сочтен общественно опасным. Наконец, при сочетании небольшой общественной опасности преступления и вывода о том, что исправление и перевоспитание лица возможны без применения уголовного наказания, лицо могло быть освобождено от уголовной ответственности по широкому кругу оснований.

Таким образом, в истории отечественного уголовного права общественная опасность

личности имела разные проявления: от реакционного преследования лиц, находящихся в опасном состоянии, до поощрения в различных формах лиц, общественную опасность утративших. Ученые обоснованно обращают внимание на то, что из теории опасного состояния личности выросли, например, такие известные доктрине и закону институты, как рецидив преступлений, судимость, принудительные меры медицинского характера и воспитательного воздействия⁶. Справедливы и замечания А. Ю. Родина, который отсутствие нормативного отражения общественной опасности личности характеризует в качестве несовершенства современного уголовного законодательства⁷.

На сегодняшний день не утрачивает актуальности и вывод советского ученого В. Д. Филимонова, который настаивал на большом криминологическом и уголовно-правовом значении общественной опасности личности преступника⁸.

Широкий взгляд на общественную опасность личности позволил советским ученым сформулировать первые фундаментальные позиции о сущности и правовом значении анализируемого института.

Исторический доктринальный аспект

Работы советского периода, специально посвященные общественной опасности личности, принадлежат перу Б. В. Волженкина и В. Д. Филимонова. Б. В. Волженкин в 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Общественная опасность личности преступника и ее значение для уголовной ответственности и наказания»⁹. Ученый сформулировал отправной тезис о том, что общественная опасность лица, совершившего преступление, заключается в возможности совершения нового преступления¹⁰. Более точного определения общественной опасности личности по сей день, как представляется,

⁵ Сафронова Е. В., Лоба В. Е. Указ. соч. С. 14.

⁶ Сафронова Е. В., Лоба В. Е. Указ. соч. С. 15.

⁷ Родин А. Ю. Общественная опасность в составах преступлений с административной преюдицией // Обращение к праву. 2021. № 12. С. 243.

⁸ См.: Карпец И. И. О некоторых вопросах методологии в уголовном праве и криминологических исследованиях // Советское государство и право. 1964. № 4. С. 100–101.

⁹ Волженкин Б. В. Общественная опасность преступника и ее значение для уголовной ответственности и наказания по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1964.

¹⁰ Волженкин Б. В. Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности // Правоведение. 1963. № 3. С. 90.

не предложено отечественной доктриной уголовного права. Б. В. Волженкин подчеркивал связь деяния и деятеля, отражаемую в признаке виновности¹¹.

Выступая против разрыва категорий общественной опасности деяния и личности, В. Д. Филимонов в качестве уголовно-правовых критериев опасности личности преступника называл как совершенное преступление, так и степень опасности и вероятности совершения нового преступления в будущем¹².

Отдельно следует отметить: уже советские ученые совершенно справедливо рассуждали о том, что действия лица после совершения преступления не могут привести к снижению или утрате общественной опасности преступления¹³. Так, В. Д. Филимонов писал, что «только с течением времени может создаться положение, при котором преступление как определенная совокупность конкретных признаков будет, как и раньше, рассматриваться в качестве общественно опасного деяния, а лицо, вследствие тех или других причин, свою опасность утратит»¹⁴.

На правовое значение оценки личности обвиняемого обращал внимание и П. М. Давыдов, отмечавший, что при формировании обвинения обращается внимание не только на то, каким он был в момент совершения преступления, но и на то, каким стал после, к моменту рассмотрения дела в суде¹⁵.

Современный доктринальный аспект

В современной уголовно-правовой доктрине намечается консолидация вокруг позиции,

в силу которой общественная опасность личности имеет самостоятельное правовое значение. При этом опасность личности определяется применительно к случаям совершения лицом конкретного преступления, а значит, напрямую коррелирует с общественной опасностью совершенного деяния, но не сливается с ней.

А. Г. Антонов отмечает, что личность преступника не должна оцениваться изолированно от совершенного преступления¹⁶. Л. М. Прокуменцов обращает внимание на то, что общественная опасность личности имеет значение для криминализации, лишь поскольку она причинно связана с общественно опасным деянием и его последствиями¹⁷. У. М. Аббасов уточняет, что общественная опасность личности не всегда адекватно отражается в учиненном ею преступном деянии, т.е. может быть больше или меньше общественной опасности этого деяния¹⁸.

Н. А. Лопашенко, А. В. Голикова, Е. В. Кобзева, Д. А. Ковлагина, М. М. Лапунин, К. М. Хутов высказывают принципиальную позицию, согласно которой общественная опасность личности деятеля влияет только на индивидуальную степень опасности совершенного преступления¹⁹.

Переходя к обоснованию собственной позиции относительно правового значения института общественной опасности личности, сформулируем ряд отправных тезисов: 1) общественная опасность личности в отрыве от совершенного ею деяния не может использоваться в качестве самостоятельного критерия криминализации и основания уголовной ответственности; 2) правовое значение общественной опасности личности заключается в ее влиянии на индивидуализацию уголовной ответствен-

¹¹ Волженкин Б. В. К вопросу о понятии общественной опасности преступника // Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). СПб. : Юридический центр-Пресс, 2008. С. 201.

¹² Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника (предпосылки, содержание, критерии) / отв. ред. А. Л. Ременсон. Томск : Издательство Томского университета, 1970. С. 9.

¹³ Полянский Н. Н. Процессуальные права потерпевшего // Советское государство и право. 1940. № 12. С. 61.

¹⁴ Филимонов В. Д. Указ. соч. С. 63.

¹⁵ Давыдов П. М. Обвинение в советском уголовном процессе. Свердловск, 1974. С. 14.

¹⁶ Антонов А. Г. О соотношении категорий «общественная опасность преступления» и «личность преступника» // Государство и право. 2019. № 11. С. 128. DOI: 10.31857/S013207690007479-8.

¹⁷ Прокуменцов Л. М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 86–87.

¹⁸ Аббасов У. М. Об общественной опасности личности преступника // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 239.

¹⁹ Лопашенко Н. А., Голикова А. В., Кобзева Е. В., Ковлагина Д. А., Лапунин М. М., Хутов К. М. Указ. соч. С. 134.

ности; 3) в качестве критериев общественной опасности выступают характеристика конкретного совершенного преступления, характеризующие личность обстоятельства, поведение лица после совершения преступления; 4) представляется вполне оправданным законодательное отражение утраты общественной опасности личности в качестве основания освобождения от уголовной ответственности по субъективным дискреционным основаниям. Перечисленные тезисы требуют аргументации.

Недопустимость использования общественной опасности личности в отрыве от совершенного ею деяния в качестве критерия криминализации и основания уголовной ответственности

Криминализация отдельных лиц в духе теории опасного состояния личности, привлечение к уголовной ответственности в зависимости от национальности, расы, социального положения, религиозных или политических взглядов, образа жизни и иных признаков размывают границы уголовного права и подрывают формирующуюся на протяжении столетий теорию доказательственного права, закрепляющую в качестве цели доказывания установление события, виновности и иных перечисленных в ст. 73 УПК РФ обстоятельств. При этом указанный тезис, несмотря на всю очевидность, требует тем не менее более подробного анализа, обусловленного современными тенденциями реформирования уголовного закона.

Введенная в 2019 г. ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) является напоминанием об архаичном подходе к уголовной репрессии²⁰: лицо привлекается к уголовной ответственности в условиях отсутствия необходимости установления факта совершения им каких-либо общественно опасных действий²¹. Указанная норма

вызывает справедливую критику в доктрине уголовного права. А. В. Бриллиантов, А. Д. Щербаков называют появление ст. 210.1 в структуре УК РФ «опасным прецедентом по возрождению идеи об опасном состоянии личности или же опасной личности в известном извращении указанной категории»²².

Попытки формирования судебной практики, предполагающей, несмотря на прямоту законодателя, необходимость мотивирования в приговорах совершения опасных действий для квалификации преступления по ст. 210.1 УК РФ, также потерпели неудачу. В решениях по конкретным делам Верховный Суд РФ неоднократно подчеркивает: «Содержащиеся в кассационной жалобе доводы о том, что за занятие высшего положения в преступной иерархии может быть осуждено лишь лицо, совершившее конкретные противоправные действия, являются несостоятельными»²³.

Полностью разделяя критику использования общественной опасности личности в качестве самостоятельного критерия криминализации, отметим, что в иных проявлениях общественная опасность личности играет важную роль в вопросе привлечения к уголовной ответственности.

В этой связи представляются небесспорными высказывания ученых о неоправданности возвращения в 2011 г. в УК РФ преступлений с административной преюдицией и их оценка данного события в качестве еще одного проявления негативной коннотации теории опасного состояния лица. Так, ряд авторов принципиально отвергают возможность учета повторности совершения правонарушения в качестве критерия межотраслевой дифференциации ответственности, поскольку она характеризует деятеля, а не деяние²⁴.

Комментируя постановление Конституционного Суда РФ, не усмотревшего неконституционности в нормах, закрепляющих админи-

²⁰ Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // Официальный портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201904010013?index=1> (дата обращения: 27.03.2025).

²¹ Антонова Е. Ю. Теория опасного состояния личности и ее влияние на современное уголовное законодательство: постановка проблемы // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 4. С. 353.

²² Бриллиантов А. В., Щербаков А. Д. Указ. соч. С. 94.

²³ Кассационные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.02.2023 № 5-УД23-5-А1, от 08.09.2022 № 57-УД22-10-А1.

²⁴ Лопашенко Н. А., Голикова А. В., Кобзева Е. В., Ковлагина Д. А., Лапунин М. М., Хутов К. М. Указ. соч. С. 135.

стративную преюдицию, С. А. Пашин полагает: «Речь идет об объявлении человека преступником, “уголовником”, о его стигматизации судимостью»²⁵. Г. М. Резник указывает, что «административная преюдиция изменяет основание уголовной ответственности: им становится не деяние... а личность нарушителя, ее “опасное состояние”»²⁶.

Авторы, не высказывающие принципиальных возражений против административной преюдиции в уголовном праве, в качестве аргументов указывают на общую природу административного и уголовного права, которая характеризуется «концептуальным единством (возложение государством публично-правовых санкций за неправомерное поведение)»²⁷. Г. А. Есаков отмечает: «если право административных правонарушений признать “малым” уголовным правом, то она может существовать; если сохранять между двумя отраслями права непреодолимую стену, то нет»²⁸.

Ряд авторов рассматривают этот вопрос под несколько иным углом — можно ли оценивать административно наказанное лицо или лицо, имеющее судимость за аналогичное преступление, в качестве специального субъекта²⁹. Такие рассуждения резонны в свете того, что, очевидно, законодатель административную наказанность включает в признаки состава преступления и, как представляется, относит ее к признаку субъекта, а не объективной стороны.

Полагаем принципиально важным то, что юридическая оценка преступлений с административной преюдицией напрямую связана с оценкой общественной опасности личности, однако криминализации подлежит не личность как таковая, а совершенное ею деяние. Иными словами, основанием уголовной ответственности по-прежнему выступают действия лица. При этом систематичность совершения лицом запрещенных законом деяний, несмотря на применение к нему мер юридической

ответственности, правомерно может оцениваться как обстоятельство, увеличивающее общественную опасность личности. Такой подход вполне согласуется с устоявшимся мнением о тесной взаимосвязи общественной опасности преступления и совершившего его лица.

В этой связи сложно отрицать, что в возвращении законодателем преюдициальных составов преступления просматривается теория опасного состояния личности, но не в том негативном проявлении, в котором исторически она была представлена социологической криминалистической школой. Придание правового значения оценке личности, на которую не имеет положительного воздействия привлечение ее ранее к юридической ответственности, лишь одно из таких проявлений.

Сложно найти принципиальные возражения против позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой «повторное (многократное) совершение лицом однородных (аналогичных) административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям, что вкупе с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий (бездействия)»³⁰.

Важно обратиться к вопросу о правовых гарантиях соблюдения прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение преступлений с административной преюдицией, поскольку, в отличие от оценки повторности преступлений в качестве рецидива в уголовном праве, речь идет об учете иного вида ответственности.

Конституционный Суд РФ выдвигает принципиально значимые тезисы о том, что обусловленные общественной опасностью лица (вытекающей из наличия судимости) дополнительные обременения должны быть адекватны

²⁵ Головки Л. и др. Административная преюдиция в уголовном праве: казус Ильдара Дадина // Закон. 2017. № 2. С. 21–29.

²⁶ Головки Л. и др. Указ. соч. С. 27.

²⁷ Головки Л. и др. Указ. соч. С. 21.

²⁸ Головки Л. и др. Указ. соч. С. 29.

²⁹ См.: Караваева Ю. С. Общественная опасность личности и основание криминализации // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18. № 3 (67). С. 263–271; Прокументов Л. М. Указ. соч. С. 81–91.

³⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» // Российская газета. 28.02.2017. № 41.

и связаны исключительно с обязанностью нести ответственность за виновное поведение³¹.

В качестве важнейшей процессуальной гарантии, обеспечивающей надлежащий стандарт доказывания в уголовных делах о преступлениях с административной преюдицией, выступает обоснованная Конституционным Судом РФ возможность оспаривания законности и обоснованности привлечения к административной ответственности³².

Указанные рассуждения позволяют прийти к выводу о том, что в ряде случаев на пределы уголовной ответственности влияет повышенная общественная опасность личности. При этом стандарт доказывания этого юридически значимого обстоятельства (признака специального субъекта преступления) не может быть ниже, чем для иных обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. При этом во всяком случае общественная опасность личности не должна выступать самостоятельным основанием для криминализации.

Критерии общественной опасности лица, привлекаемого к уголовной ответственности

В основе определения признаков преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ), признания деяния малозначительным (ч. 2 ст. 14), категоризации преступлений (ст. 15 УК РФ) лежит общественная опасность деяния. Однако самостоятельное значение законодатель оставляет и за оценкой личности совершившего преступление. Определение критериев (признаков, лежащих в основе оценки) общественной опасности лица имеет большое практическое значение. Отталкиваясь от влияния личности и ее качеств на разрешение тех или иных правовых вопросов, можно выделить следующие критерии: 1) характер и степень общественной опасности совершенного преступления; 2) обстоятельства, характеризующие личность; 3) общественно полезное поведение лица после совершения преступления.

Первый критерий является основополагающим: без преступления нет и общественно

опасного лица. Правовая категория общественной опасности личности не существует вне преступления. Так, признание деяния малозначительным автоматически влечет и констатацию отсутствия общественной опасности личности. Этому утверждению уделено достаточное внимание в первой части исследования.

Что касается второго критерия, то отражение в предмете доказывания среди прочего обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого (ст. 74 УПК РФ), служит предпосылкой для правильного определения вида и меры наказания. К таким обстоятельствам относятся, например, положительная или отрицательная оценка лица в бытовой или иной характеристике, наличие неснятой, непогашенной судимости лица, наличие государственных наград, почетных званий и др. Закрепляя в ст. 6 УК РФ принцип справедливости, законодатель указывает, что мера ответственности должна соотноситься в том числе с личностью виновного. На необходимость учета наряду с характером и степенью общественной опасности преступления и личности виновного законодатель обращает внимание и в ст. 47, 48, ч. 3 ст. 60 УК РФ.

Положительное посткриминальное поведение лица в качестве следующего самостоятельного критерия общественной опасности лица делает возможным при определенных в законе условиях постановку вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности в связи с утратой им общественной опасности. Несмотря на то что поведение лица имеет место после совершения преступления, такое поведение находится в неразрывной связи с совершенным преступлением. Подозреваемый, обвиняемый проявляет волевые качества, совершает благие дела и предъявляет их для оценки субъекту принятия решений. В отличие от статичных обстоятельств, характеризующих личность (они формировались в прошлом и на момент разрешения уголовного дела чаще всего неизменны), обстоятельства, характеризующие поведение лица после совершения преступления, динамичны. Именно оценка такого поведения по прямому (в ряде случаев) указанию законо-

³¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2003. № 14. Ст. 1302.

³² Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П.

дателя способна привести к выводу об утрате общественной опасности личности, а значит, делает возможной постановку вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности.

В материальном уголовном законе можно встретить ограниченное и точечное упоминание утраты общественной опасности лицом в одном случае в качестве основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), в другом в качестве основания освобождения от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1).

Как представляется, отсутствие четкого разделения правовых категорий утраты общественной опасности деяния и деятеля оказывает крайне отрицательное влияние на правоприменительную практику, на что ярко указывает ее анализ.

Утрата общественной опасности личности — основание освобождения от уголовной ответственности

Вопрос о правильном разграничении оснований для применения тех или иных институтов, влияющих на решение вопроса об уголовной ответственности, имеет колоссальное значение. Несистемный подход к определению сущности таких институтов в материальном праве крайне негативно отражается на процессуальном применении соответствующих норм. Правоприменитель связан принципом законности при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ), важной составляющей которого является обеспечение законности, обоснованности и мотивированности определений и постановлений.

Мотивирование в решениях наличия основания для признания деяния малозначительным, применения льготных норм при назначении наказания, изменения категории совершенного преступления, освобождения от уголовной ответственности и наказания требует ясного разграничения общественной опасности деяния и общественной опасности личности.

Сосредоточившись в данной статье на правовом значении общественной опасности дея-

теля, а не деяния, лишь тезисно отметим, что, по нашему мнению, общественная опасность преступления (не в качестве общего критерия криминализации, а с точки зрения ее количественных показателей (степени)) оценивается при решении вопроса о малозначительности деяния. В судебной практике немало примеров, когда постановления о прекращении уголовного дела на основании п. 2 ч. 2 ст. 24 УПК РФ в связи с малозначительностью деяния подлежали отмене по причине неверного понимания основания для признания деяния малозначительным. Например, суд кассационной инстанции не согласился с признанием деяния малозначительным по причине 82-летнего возраста подсудимого³³. Такие обстоятельства, как представляется, могут учитываться лишь в дополнение к надлежащему мотивированию отсутствия общественной опасности в деянии.

Перейдем к вопросу о мотивированности постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с освобождением от уголовной ответственности. Будучи неспособен изменить факт совершения преступления в прошлом, подозреваемый, обвиняемый тем не менее не лишен возможности приложить усилие для того, чтобы убедить правоприменителя в том, что он не заслуживает полной реализации уголовной ответственности и что сам факт уголовного преследования привел к осознанию недопустимости совершения преступлений, к возможности исправления без осуждения и наказания. Для этого лицо предпринимает волевые действия, направленные на максимально возможное устранение последствий содеянного в виде заглаживания вреда, демонстрирует иное общественно полезное поведение.

Пленум Верховного Суда РФ акцентирует внимание на том, что «разрешая вопрос об утрате лицом общественной опасности, необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств, характеризующих поведение лица после совершения преступления, а также данные о его личности»³⁴.

Зачастую суды проверочных инстанций отменяют не мотивированные должным образом

³³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.06.2023 № 51-УД23-8-К8.

³⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/8350/> (дата обращения: 27.03.2025).

решения нижестоящих судов об освобождении от уголовной ответственности³⁵.

Следует иметь в виду, что положительная характеристика личности (как и индивидуальная общественная опасность деяния) подлежит учету дополнительно, но самостоятельным основанием для освобождения от уголовной ответственности не является. Такой подход разделяется и судебной практикой³⁶.

Законодательный пробел в регулировании оснований (причин) освобождения от уголовной ответственности по иным (кроме деятельного раскаяния) дискреционным основаниям, связанным с позитивным посткриминальным поведением, на протяжении многих лет затрудняет мотивирование принимаемых решений. Стихийным образом сложилась практика, когда суды анализируют не утрату общественной опасности личности, а утрату или снижение общественной опасности совершенного лицом деяния.

Такой подход, как представляется, влечет полную невозможность эффективного функционирования института освобождения от уголовной ответственности. Это находит отражение в судебной практике, когда, отказывая в освобождении от уголовной ответственности, суды мотивируют свое решение тем, что совершенное преступление не утратило общественной опасности, а зачастую прямо указывают и на невозможность снижения или утраты опасности деяния в связи с невозможностью (незаглаживаемостью) причиненного вреда.

Наиболее отчетливо такая тенденция проявляется в уголовных делах о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего³⁷. В ряде случаев суды полагают, что для освобождения от уголовной ответственности необходима одновременная утрата обще-

ственной опасности и личности, и деяния³⁸. Можно встретить и решения, когда суды оценивают именно общественную опасность личности в качестве основания освобождения от уголовной ответственности³⁹. Но, как показывает анализ судебных решений, такая практика не является общераспространенной.

Нормативное определение утраты лицом общественной опасности в качестве основания освобождения от уголовной ответственности позволит выявить сущность классификационной группы оснований освобождения от уголовной ответственности, обладающих единой природой. Так, примирение сторон, деятельное раскаяние, заглаживание вреда и выражение готовности к уплате судебного штрафа или исполнению принудительных мер воспитательного воздействия — всё это формы позитивного посткриминального поведения, которые способны убедить правоприменителя в нецелесообразности осуждения и наказания впервые оступившегося лица.

В этой связи поддерживаем позицию ученых, согласно которой причиной освобождения от уголовной ответственности по перечисленным основаниям выступает, так же как и для деятельного раскаяния, утрата общественной опасности лица, а не совершенного им деяния⁴⁰. Законодательное закрепление этого тезиса в соответствующих статьях кодексов обеспечит ясность закона и, как следствие, возможность надлежащего мотивирования принимаемых решений. Обратное противоречит природе и назначению оснований, призванных дать шанс избежать криминальной стигматизации именно тем, кто оступился впервые и убеждает лицо, разрешающее уголовное дело, в своем исправлении без полной реализации уголовной ответственности. Для совершивших

³⁵ Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.02.2023 по делу № 77-555/2023.

³⁶ Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.01.2023 № 77-84/2023 ; кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.08.2023 № 77-2391/2023.

³⁷ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.06.2024 № 33-УД24-6-КЗ.

³⁸ Постановления Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21.05.2024 № 77-1752/2024, от 28.08.2024 № 77-2795/2024, от 09.02.2024 № 77-223/2024.

³⁹ Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.11.2022 № 77-5401/2022.

⁴⁰ См.: *Благов Е. В.* Основание освобождения от уголовной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7 (92). С. 161–168 ; *Ендольцева А. В.* Утрата лицом своей прежней общественной опасности как условие освобождения от уголовной ответственности // Юристь-Правоведъ. 2016. № 6 (79). С. 73–78.

тяжкие и особо тяжкие преступления законодатель предусмотрел иные институты, позволяющие индивидуализировать их ответственность: смягчающие наказания обстоятельства, изменение категории преступления и т.д.

Наглядно демонстрирует преимущества обоснованного в статье подхода к определению основания освобождения от уголовной ответственности следующий пример. Прокурор внес представление на постановление о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа в отношении А., обвиняемого в незаконной добыче водных биологических ресурсов, совершенной группой лиц по предварительному сговору и с применением самоходного транспортного плавающего средства. В представлении апеллянт указал, что суд формально сослался на утрату общественной опасности А., который ранее шесть раз (!) освобождался от уголовной ответственности за аналогичное преступление.

Соглашаясь с выводами нижестоящих судов о законности и обоснованности освобождения А. от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела, суд, в частности, указал, что преступление, предусмотренное частью 3 ст. 256 УК РФ, относится к категории небольшой тяжести и, как следствие, большой общественной опасности не представляет⁴¹.

Думается, мотивировка суда могла бы быть иной в том случае, если бы им анализировалась общественная опасность А., понимаемая как риск совершения им в будущем аналогичных преступлений. В этой связи справедливым видится нормативное отражение возможности учета предыдущих (в пределах сроков давности) случаев освобождения лица от уголовной ответственности при решении вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности.

Далее, необходимо сделать оговорку о том, что в случаях, когда законодатель использует конструкцию императивного, а не дискреционного учета позитивного поведения, вопрос об оценке общественной опасности лица мотивированию не подлежит: в данной ситуации ряд совершаемых лицом действий законодатель еще на законотворческом этапе определяет в качестве безусловно влекущих освобождение от уголовной ответственности и прекращение уголовного дела (уголовного преследования). При этом мотивы такого решения остаются за

скобками и необязательно связываются с утратой лицом общественной опасности.

В качестве вывода в этой части следует отметить: отсутствие законодательного закрепления основания освобождения от уголовной ответственности по дискреционным основаниям делает невозможным надлежащее мотивирование принимаемых решений, когда суд должен принимать решение на основе внутреннего убеждения, но в отсутствие законодательного ориентира в вопросе о том, что именно нужно оценивать. Утрата лицом общественной опасности выступает подходящим основанием для отражения его в законе.

Выводы

Криминологические теории, связывающие возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, находящихся в опасном состоянии, с развитием науки и права подтвердили свою несостоятельность. В этой связи следует признать необоснованным включение в перечень преступлений статьи 210.1 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии.

Критерием криминализации — неидеальным, но прочно укоренившимся в отечественном праве — выступает общественная опасность деяния. Она (точнее, количественные ее показатели) консервируется в момент совершения преступления и не может увеличиться, уменьшиться или исчезнуть в зависимости от поведения лица после совершения преступления. В этой связи общественная опасность деяния подлежит правовой оценке в целях решения вопроса о признании деяния малозначительным. В остальных случаях она не требует доказывания в рамках конкретного уголовного дела.

Иное правовое значение имеет общественная опасность личности, под которой следует понимать обоснованную вероятность совершения лицом нового преступления. Правовое значение общественной опасности многоаспектно и вытекает из трех критериев: 1) общественная опасность конкретного совершенного преступления; 2) обстоятельства, характеризующие личность подозреваемого, обвиняемого; 3) поведение лица после совершения преступления.

⁴¹ Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25.06.2024 № 77-1699/2024.

Первый критерий подчеркивает неразделимость конкретного преступления и лица, его совершившего: правовая категория общественной опасности личности не существует вне преступления.

Характеризующие личность обстоятельства как второй критерий самостоятельное значение приобретают при определении вида и меры наказания, факультативно учитываются при индивидуализации ответственности в иных формах. При этом формируются такие обстоятельства независимо от преступной деятельности и до ее осуществления и к моменту разрешения уголовного дела, как правило, статичны.

Третий критерий, поведение лица после совершения преступления, в отличие от вто-

рого находится в полной власти лица, подвергнутого уголовному преследованию, — это волевое поведение, способное в ряде случаев (при соблюдении условий, описанных в законе) убедить правоприменителя в утрате лицом общественной опасности, в его исправлении без полной реализации уголовной ответственности в форме осуждения по приговору суда. Четкое нормативное закрепление утраты лицом общественной опасности в качестве основания освобождения от уголовной ответственности по дискреционным основаниям позволит обеспечить надлежащий уровень мотивирования принимаемых решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аббасов У. М. Об общественной опасности личности преступника // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 238–239.

Антонов А. Г. О соотношении категорий «общественная опасность преступления» и «личность преступника» // Государство и право. 2019. № 11. С. 125–129.

Антонова Е. Ю. Теория опасного состояния личности и ее влияние на современное уголовное законодательство: постановка проблемы // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 4. С. 352–360.

Благов Е. В. Основание освобождения от уголовной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7 (92). С. 161–168.

Бриллиантов А. В., Щербаков А. Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2010. № 10. С. 90–98.

Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1912. 438 с.

Волженкин Б. В. К вопросу о понятии общественной опасности преступника // Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). СПб. : Юридический центр-Пресс, 2008. С. 199–207.

Волженкин Б. В. Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности // Правоведение. 1963. № 3. С. 90–98.

Волженкин Б. В. Российская наука уголовного права и ее развитие // Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). СПб. : Юридический центр-Пресс, 2008. С. 801–950.

Головкин Л. и др. Административная преюдиция в уголовном праве: казус Ильдара Дадина // Закон. 2017. № 2. С. 21–29.

Давыдов П. М. Обвинение в советском уголовном процессе. Свердловск, 1974. 136 с.

Ендольцева А. В. Утрата лицом своей прежней общественной опасности как условие освобождения от уголовной ответственности // Юрист-Правовед. 2016. № 6 (79). С. 73–78.

Караваева Ю. С. Общественная опасность личности и основание криминализации // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18. № 3 (67). С. 263–271.

Карпец И. И. О некоторых вопросах методологии в уголовном праве и криминологических исследованиях // Советское государство и право. 1964. № 4.

Лопашенко Н. А., Голикова А. В., Кобзева Е. В., Ковлагина Д. А., Лапунин М. М., Хутов К. М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. № 4. С. 124–140.

Полянский Н. Н. Процессуальные права потерпевшего // Советское государство и право. 1940. № 12. С. 54–59.

Прозументов Л. М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 81–91.

Родин А. Ю. Общественная опасность в составах преступлений с административной преюдицией // *Образование и право*. 2021. № 12. С. 242–246.

Сафронова Е. В., Лоба В. Е. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // *Всероссийский криминологический журнал*. 2014. № 3. С. 10–17.

Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника (предпосылки, содержание, критерии) / отв. ред. А. Л. Ременсон. Томск : Издательство Томского университета, 1970. 277 с.

REFERENCES

Abbasov UMO. On the public danger related to the criminal's personality. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*. 2009;4:238-239. (In Russ.).

Antonov AG. On the correlation of the categories «public danger of crime» and «personality of the criminal». *Gosudarstvo i Pravo [State and Law]*. 2019;11:125-129. (In Russ.).

Antonova EYu. The theory of the dangerous state of personality and its influence on modern criminal lawmaking: Problem statement. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2023;17(4):352-360. (In Russ.).

Blagov EV. Grounds for exemption from criminal liability. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2018;17:161-168. (In Russ.).

Brilliantov AV, Shcherbakov AD. Theory of the dangerous state of personality: One step forward or two steps back? *Gosudarstvo i Pravo [State and Law]*. 2010;10:90-98. (In Russ.).

Davydov PM. Accusation in the Soviet criminal procedure. Sverdlovsk. 1974. (In Russ.).

Endoltseva AV. Disappearance of a person's former public danger as a condition for exemption from criminal liability. *Yurist-Pravoved*. 2016;6(79):73-78. (In Russ.).

Filimonov VD. Public danger in a criminal's personality (Prerequisites, content, criteria). Remenson AL, (ed.). Tomsk: Tomsk University Publ.; 1970. (In Russ.).

Golovko L, at al. Administrative prejudice in criminal law: The case of Ildar Dadin. *Zakon*. 2017;2:21-29. (In Russ.).

Karavaeva YuS. Public danger posed by an individual and the grounds for criminalization. *Penitentsiarnaya nauka*. 2024;18(3)(67):263-271. (In Russ.).

Karpets II. On some issues of methodology in criminal law and criminological research. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]*. 1964;4:100-101. (In Russ.).

Lopashenko NA, Golikova AV, Kobzeva EV, Kovlagina DA, Lapunin MM, Khutov KM. Public danger of a crime: The concept and criteria of verification. *Pravoprimerenie*. 2020;4:124-140. (In Russ.).

Polyansky NN. Procedural rights of the victim. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]*. 1940;12:54-59. (In Russ.).

Prozumentov LM. The grounds for criminalization (decriminalization) of acts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Tomsk State University Journal. Law]*. 2014;4(14):81-91. (In Russ.).

Rodin AYU. Public danger in crimes with administrative prejudice. *Obrazovanie i pravo*. 2021;12:242-246. (In Russ.).

Safronova EV, Loba VE. «Dangerous personality condition» as a criminological category. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2014;3:10-17. (In Russ.).

Viktorskiy SI. The Russian criminal trial. 1912. (In Russ.).

Volzhenkin BV. On the issue of the concept of public danger posed by a criminal. Selected works on criminal law and criminology (1963–2007). St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Press Publ.; 2008. P. 199–207. (In Russ.).

Volzhenkin BV. The public danger posed by a criminal and the basis of criminal liability. *Pravovedenie*. 1963;3:90-98. (In Russ.).

Volzhenkin BV. The Russian science of criminal law and its development. Selected works on criminal law and criminology (1963–2007). St. Petersburg: Yuridichesskiy tsentr-Press Publ.; 2004. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Килина Ирина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета
д. 15, Букирева ул., г. Пермь 614068, Российская Федерация
kilinairinav@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Kilina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
Perm State National Research University, Perm, Russian Federation
kilinairinav@gmail.com

Материал поступил в редакцию 27 апреля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 25 мая 2026 г.

Принята к печати 15 июня 2026 г.

Received 27.04.2025.

Revised 25.05.2026.

Accepted 15.06.2026.